

Тринадцать лет совместных усилий обернулись тем, что он пригрел змею на груди.

Лу Синчжоу не жалел о встрече с Се Чжинянем. Он лишь жалел о том, что не сумел вовремя оценить обстановку, не разглядел истинное лицо Се Чжиняня и потакал его эгоизму, балуя до такой степени, что тот стал лишь эгоистичнее. По правде говоря, он и Цзян Чжунъянь были рыбами из одного моря.

И эта рыба, узнав о предательстве Се Чжиняня, взбунтовалась.

— Раз уж небеса так к тебе благоволят, что даже после всех твоих злодеяний находятся те, кто готов ради тебя умереть, — Лу Синчжоу, вспоминая Цзян Чжунъяня и Сун Сяоханя, ощутил, как его тело, слишком хорошо знающее каждую черточку юноши, откликнулось жаром. Он медленно вытер кровь с лица Се Чжиняня и добавил: — Тогда я стану твоим небом и закрою их от тебя.

Он с размаху разбил фоторамку на тумбочке и перестал подпитывать его своей кровью. Казалось, он даже рад, что Се Чжинянь стал мутировавшим зомби. Кровь с его ладони потекла по изгибам лица, обнажая острые, пугающие клыки:

— Однажды ты сам приползешь ко мне и начнешь молить.

— Молить, чтобы я тебя накормил.

Перед глазами всплыла сцена, как Лу Синчжоу собственноручно убил своих родителей. Всю свою жизнь он посвятил созданию государства, свободного от зомби.

И Лу Синчжоу, и Сун Сяохань понимали: Се Чжинянь, будучи монстром-зомби, сохранившим сознание, был идеальным инструментом для экспериментов с вирусом.

— Лорд.

Ли Цзянь, получив сообщение, постучал в дверь снаружи:

— Из базы доложили: Цзян Наньсун из Эду уже на пути в Жунчэн. Полагаю, из-за своего родного брата Цзян Чжунъяня. К тому же Цзян Наньсун отправил людей с четырьмя грузовиками кристаллов ядер, похоже, он намерен выкупить пленника.

Четыре грузовика припасов в мире апокалипсиса — это целое состояние, а уж кристаллы ядер и подавно: чтобы собрать такое количество, нужно перебить не меньше десяти тысяч зомби.

— Капитан Сун и старик Сун сейчас обсуждают это. Мятеж, вспыхнувший в Тринадцатом секторе, был подавлен Цзян Наньсуном, — добавил Ли Цзянь. Он взглянул на разбитую

фоторамку на полу и, косясь на Се Чжиняня в комнате, не посмел даже поднять головы. — Старейшина Нин требует много кристаллов для наблюдения при разработке антидота.

Лу Синчжоу холодно хмыкнул:

— Передай Цзян Наньсуну: предавать своих ради выгоды — не в моих правилах.

Внимание Лу Синчжоу с самого начала было сосредоточено на другом. Четыре грузовика кристаллов его не интересовали. Он молча вытирал кровь с лица Се Чжиняня — этого было недостаточно, чтобы искупить вину.

— Выясни, кто пустил слух. Раз Цзян Наньсун узнал так быстро, значит, на базе есть еще предатели.

В его голосе слышался вздох, интонации были зловещими, пока он поглаживал лицо Се Чжиняня:

— Похоже, предыдущий урок ничему их не научил? Если найду предателя, тебе не придется беспокоиться о голоде — я скормлю его тебе.

Произнося это, Лу Синчжоу смотрел прямо на Се Чжиняня, словно стоило тому открыть глаза, как он тут же вспорет живот предателю и будет вливать его кровь в глотку юноши, пока тот не захлебнется ею насмерть.

Вести о Цзян Чжунъине не могли покинуть Жунчэн. Кто же проболтался?

Первым делом по возвращении на базу Лу Синчжоу засекретил информацию о Цзян Чжунъине. Базы Эду и Жунчэн не вмешивались в дела друг друга, их разделяли тысячи миль. Лу Синчжоу только привез Се Чжиняня, как тут же нагрянул Цзян Наньсун — подвох был очевиден.

— Я немедленно прикажу следить за людьми на базе.

Ли Цзянь кивнул и подался вперед:

— Так вы собираетесь встретиться с Цзян Наньсуном?

Лу Синчжоу протянул руку и поправил одеяло на юноше:

— Придется встретиться. Цзян Наньсун проделал такой путь не для того, чтобы уехать с пустыми руками. Встреча неизбежна.

Три года изменили Лу Синчжоу. Он понял, что нужно ходить по тонкому льду, и только пальцы, сжимающие ледяной клинок, способны удержать власть. Теперь же плодородные земли Эду стали лакомым куском.

— Вытащи Цзян Чжунъяня из темницы, облей соленой водой и брось на территории базы. Не говори, кого именно. — Лу Синчжоу, весь в крови, выглядел так, будто готовился к войне. — Отдать труп — не велика беда.

Человеческая жизнь бесценна: пятьсот с лишним трупов могут превратиться в братскую могилу, и никакими кристаллами не накормить жадных муравьев и мух.

Лу Синчжоу не убил Цзян Чжунъяня на базе Жунчэн не из страха, а из-за внезапности ситуации. Цзян Чжунъянь был ему еще нужен. Он обещал свести старые и новые счета и никого не пощадит, включая Се Чжиняня.

Забинтовав руки, он перешагнул через осколки фоторамки. Глядя на цепи, впивающиеся в конечности юноши, он с неясной улыбкой произнес:

— Через пару дней в Жунчэне день поминовения. Если не принести жертву, это будет неуважением к столь знаменательному дню. Сначала разберемся с предателем.

Ли Цзянь внимательно слушал, подавляя привкус крови в горле:

— Лорд, куда мы сейчас?

— В лабораторию. Понаблюдаю за исследованиями вируса.

— Слушаюсь. — Ли Цзянь кивнул, глядя в электронный планшет: — Я немедленно уведомлю старейшину Нина.

Вирусологическая лаборатория находилась в самом сердце базы Жунчэн, в центре города. Там жили ученые-медики, работавшие еще до апокалипсиса. Чтобы предотвратить трагедию, Лу Синчжоу окружил ее усиленной охраной из эвольверов, вход и выход были строго по пропускам.

Система 028, сидя в виртуальном пространстве, следила за Лу Синчжоу и холодно произнесла:

— Уровень очернения Лу Синчжоу вырос еще на два процента. Он пошел в лабораторию к подопытным, у него есть планы сделать тебя объектом эксперимента. Твоя жизнь пока вне опасности, он явно не намерен так легко тебя отпускать.

— Се Чжинянь: Не паникуй.

Се Чжинянь, сидя в виртуальном пространстве, смотрел на экран панели управления:

— Проникновение на базу — это первый шаг. Планировка здесь такая же, как три года назад. Это говорит о моем месте в его сердце.

— 028: Место покойника.

— Се Чжинянь: Цепи — хорошая вещь, но не тогда, когда их надевают на меня.

Се Чжинянь снова погрузился в реальность. Он слабо открыл глаза, но тут же тяжело закрыл их — сознание провалилось в мутную трясину.

Взглянув через панель управления:

Снаружи стемнело. За панорамным окном царила мертвая тишина, густые черные тучи сплелись в небе, а бегонии в саду виллы поникли.

— Очнулся?

Резкий звук прорезал тишину у уха Се Чжиняня, шаги кожаных туфель по полу звучали как треск горящего дерева.

Услышав знакомый голос, Се Чжинянь открыл глаза. Запястья саднили от трения о цепи. Он тупо уставился в потолок, пытаясь разглядеть хоть что-то, но видел лишь пустоту и смутный силуэт:

— Сун Сяохань?

Его память застыла на Сун Сяохане, он намеренно перепутал имена, чтобы сгустить ночной мрак.

— Посмотри внимательнее, кто я?

От цепей, сковывающих движения, юноша тяжело закашлялся. Лу Синчжоу приподнял бровь, в его зрачках клубилась тьма:

— Ты даже мое имя путаешь?

Се Чжинянь, кашляя, посмотрел на человека неподалеку. Он в ужасе отпрянул назад и отчаянно замотал головой:

— Лу Синчжоу.

— Правильно.

Улыбка Лу Синчжоу стала шире. Он не пропустил испуга на лице Се Чжиняня, в душе насмехаясь над его нечистой совестью. Презрительно бросив шприц в мусорное ведро, он тяжело опустился на стул:

— Не ожидал, что снова встретишься со мной?

На его лице читалось недовольство:

— Это я тебя спас, а не твой хороший братец.

Цепи с грохотом ударились о стену.

— Это правда ты...

Зрение Се Чжиняня прояснилось. Он резко перевернулся, ударившись телом о стену. Испуг и удивление были написаны на его лице, глаза сузились:

— Как ты здесь оказался?

— А мое лицо! Ты его тоже видел?

Се Чжинянь закрыл лицо руками, его ногти ослабли, он погрузился в глубокую бездну самоуничтожения, бормоча:

— Ты ведь видел, да? Видел, во что я превратился. Ты, должно быть, счастлив, ведь все, кто перешел тебе дорогу, заканчивают именно так.

— Я ни капли не счастлив.

Се Чжинянь продолжал закрывать лицо, и даже в щелях между пальцами читалось его отчаяние. Внешность была главным оружием юноши, а лишившись оружия, враг оказывается беспомощным.

Раздался насмешливый хохот.

— За эти три года ты ничуть не изменился. Снова хочешь притвориться сумасшедшим, чтобы

вызвать мою жалость?

Сердцу Лу Синчжоу было не до смеха. Спустя столько лет их встреча обернулась полным крахом:

— Лучше отбрось эти мысли. Даже если ты расцарапаешь себе лицо в кровь, это не скроет твоего уродства. Тебе восемнадцать, но ты все еще живешь в прошлом. Лицо — лишь оболочка, в гробу все равны, так с чего мне заботиться о твоей внешности?

Се Чжинянь колебался, но это утешение не принесло облегчения.

Лу Синчжоу снова смягчился:

— Перестань.

Се Чжинянь поднял голову, в его взгляде не было покоя.

— И не думай, что я тебя утешаю. — Лу Синчжоу никогда не видел Се Чжиняня таким потерянным. В его душе поднялось не торжество мести, а удушающая боль. Глядя на лежащего юношу, он вдруг оскалился: — Я привез тебя на базу не для того, чтобы смотреть на твои спектакли. Я жду от тебя объяснений.

— Объяснений, почему три года назад ты сбежал с базы вместе с Цзян Чжуньинем.

Лу Синчжоу дал юноше все самое прекрасное в этом мире, но в ответ получил лишь предательство.

— Почему ты, как и твой отец, предал меня, предал Жунчэн? Неужели эта фамилия Цзян так нравится вам обоим?

Сказав это, Лу Синчжоу взорвался яростью.

— Я не предавал тебя.

На лице Се Чжиняня застыл кровавый иней:

— Отец?

Услышав это, он испугался еще больше. Цепи зазвенели в воздухе, он с трудом прохрипел, глядя сквозь пальцы:

— Ты убил моего отца?

Недоверие в его глазах больно ударило Лу Синчжоу, гася остатки любви.

— Я еще даже не притронулся к нему, а ты уже обвиняешь меня в убийстве?

Ледяной холод пронзил сердце Лу Синчжоу. Хотя он знал, что Се Чжинянь лишь использовал его, подтверждение этого факта причиняло боль:

— Значит, в твоих глазах я такой жестокий тиран? Ты думаешь, все люди такие же, как ты — причиняют боль, не осознавая этого?

Его горло словно сдавило кровью:

— Мои родители погибли в нашествии зомби, а я три года работал на других. Успокойся, я лишь слегка наказал Сун Чэна. В конце концов, база Жунчэн не кормит бесполезных людей, он находится там, где искупает свою вину.

— Если говорить о жестокости, то ты превзошел меня.

Се Чжинянь погиб в нашествии зомби три года назад, а Лу Синчжоу продолжал заботиться о потерявшем сына Сун Чэне.

— Знаешь, сколько людей там, снаружи, жаждут твоей смерти? База Жунчэн превратилась в руины из-за тебя, они все хотят содрать с тебя кожу.

— Ты жив, и многим кажется, что справедливости нет. — А главным среди них был Лу Синчжоу.

— Так убей меня, чтобы показать свою власть?

Се Чжинянь, бледный, закрыл лицо. Он смотрел, как Лу Синчжоу встает, его зубы впивались в губы до крови, он сжимал лицо, на котором вздулись вены, словно не веря словам человека перед ним:

— Вы все хотите меня убить. Моя жизнь бессмысленна, но я просто хочу жить.

— Если они считают это несправедливым, то в чем моя вина?

Стать зомби — значит навсегда забыть об эвольверах. Жить жалкой жизнью или сиять во весь рост — все это считается жизнью.

От этих бесстыдных слов 028 перехватило дыхание.

— Жить — не ошибка. Но ты строишь свою жизнь на чужих смертях. — Лу Синчжоу отверг слова юноши. Он приближался шаг за шагом, осматривая раны: — Ты до сих пор не понимаешь, в чем ошибся? Сун Сяохань искал для тебя оправдания, пытался выгородить тебя.

— Ты тоже хочешь испытать, каково это — быть разорванным на куски?

Глаза Се Чжиняня налились кровью, он в страхе отпрянул:

— Лу Синчжоу.

Лу Синчжоу:

— Интересно, что для тебя важнее? Смотреть, как умирают близкие, — это больно?

Он сказал:

— Я не убью тебя.

Лу Синчжоу внезапно рассмеялся, тьма в его глазах рассеялась, сменившись мягким светом. Если присмотреться, в его улыбке блестели слезы:

— Спасибо тебе, ты преподавал мне урок. — Психический контроль довел его одержимость до предела, а разрушение веры было равносильно растаптыванию сердца: — Чтобы убить человека, нужно поразить его душу.

<http://bllate.org/book/20367/2037368>